

В экранизациях произведений Тургенева последних десятилетий в центре внимания режиссёров находятся уже не идеологические споры и конфликты, а любовные коллизии, психологические и межличностные отношения. Об этом свидетельствуют две экранизации повести Тургенева «Вешние воды», осуществлённые в 1989 году. Особенно известной стала зарубежная версия, снятая режиссёром Ежи Сколиновским, которому удалось собрать прекрасный ансамбль актёров, пригласив на главную роль известную актрису Настасью Кински. В результате получилась не просто красивая мелодрама, разыгранная под романтическую музыку Шопена. Мария Полозова в интерпретации Кински увлекает зрителя своим тонким психологизмом, превращаясь из обольстительницы, «роковой женщины» в натуру, способную увлечься и наполнить мир своей страстью.

В 2008 году Авдотья Смирнова создала по мотивам «Отцов и детей» телесериал «Ошибка Базарова». Ей и актёрам очень хорошо удалось передать усадебную атмосферу романа, подробности быта и обстановки дворянских гнёзд. Идеологические и философские проблемы в экранизации почти не поднимаются, основное внимание уделяется семейным сценам, проблемам отцовства и материнства, нравственно-психологическим конфликтам. Обозначенная традиция продолжена и в сравнительно недавно вышедшем на экраны фильме Веры Глаголевой «Две женщины» (2014), созданного по мотивам пьесы «Месяц в деревне». Это история влюблённости двух разных жен-

щин, зрелой и совсем ещё юной, разворачивающаяся в романтической обстановке мира усадьбы.

Хотя и медленно, но Тургенев возвращается к нам, становится всё более необходимым и востребованным писателем. Современный человек устал от бешеного темпа жизни, безыдеального существования в технократическом мире массовой культуры, и его манит тургеневский мир природы, мир «дворянских гнёзд» с прелестью его садов и усадебных топосов. Он истосковался по красоте и гармонии, возвышенной любви, «тургеневской девушке» и, конечно, красоте тургеневского языка, «великого, могучего и свободного».

В статье использованы фотографии автора

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 МОРУА АНДРЕ. Искусство Тургенева // <http://litresp.ru/chitat/ru/M/morua-andre/literaturnie-portreti/9>. Дата обращения: 20.01.2018.
- 2 ШЕЛЛИНГ Ф.В.И. Соч.: В 2 т. — М.: Мысль, 1989. — Т. 2. — С.52—85.
- 3 Там же.
- 4 ТУРГЕНЕВ И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. — М., 1978—1981; Письма в 18 т. — М., 1978—1987. — Т. V. — С. 130. Далее ссылки в тексте с указанием тома и страницы.
- 5 ШОПЕНГАУЭР А. Понятие воли // Шопенгауэр А. Сборник произведений / Пер. с нем.; Вступ. ст. и примечания И.С.Нарского. — Мн., 1998. — С. 174.
- 6 ТИМЕ Г.А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе

XIX — XX веков. — СПб.: Нестор-История, 2011. — С. 97.

- 7 НЕДЗВЕЦКИЙ В.А. И.С. Тургенев: логика творчества и менталитет героя. Курс лекций. — М.; Стерлитамак, 2008. — С. 160.
- 8 Там же. С. 160 — 163.
- 9 БЛОК А.А. Собр. соч.: В 8 т. — М.; Л., 1960. — Т. 2. — С. 289.
- 10 МОРУА АНДРЕ. Тургенев. — М., 2001. — С. 154.
- 11 <http://predanie.ru/berdyayev-nikolay-aleksandroovich/book/69714-smysl-tvorchestva/>
- 12 ГОПОРОВ В.Н. Странный Тургенев (Четыре главы). — М., 1998.
- 13 Большой энциклопедический словарь. — СПб., 1997. — С. 1219.
- 14 См. МАРКОВИЧ В.М. Человек в романах И.С.Тургенева. — Л., 1975. — С. 70—125.
- 15 ЛЕОНГАРД К. Акцентированные личности. — М., 1981.
- 16 ЛИЧКО А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. — СПб., 2010.
- 17 ВОЛОДИНА Н.В. Русский европеец в творчестве Тургенева // И.С.Тургенев. Новые исследования и материалы. — М.; СПб., 2011. — Т. II. — С. 7.
- 18 КИРЕВСКИЙ И.В. Девятнадцатый век // Киреевский И.В. Избранные статьи / Сост., вступит. статья и комментарии В.А.Котельникова. — М., 1984. — С. 76.
- 19 ГЕНЕРАЛОВА Н.П. И.С.Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных связей. — СПб., 2003. — С. 10.
- 20 ЖЕКУЛИН Н.Г. Тургенев — переводчик: вопросы теории и практики // И.С.Тургенев. Новые исследования и материалы. — М.; СПб., 2009. — Т. I — С. 48.

ЛЕБЕДЕВ Юрий Владимирович —

доктор филологических наук, профессор, г Кострома
y-v-lebedev@ya.ru

ТРАГИЧЕСКИЙ РАЗЛАД СЕРДЦА И РАЗУМА В ДУШЕ ЕВГЕНИЯ БАЗАРОВА

Аннотация. В статье раскрываются причины трагической двойственности Базарова, обладающего тревожным и глубоко чувствующим жизнь сердцем, несмотря на его нигилизм.

Ключевые слова: одухотворённая любовь, физиология, эротика, нигилизм, смерть и бессмертие, вера и безверие, пушкинские традиции.

Abstract. The article reveals the reasons for the Bazarov's tragic duality and anxiety, and explains that he feels life with his heart, despite his nihilism.

Keywords: spiritualized love, physiology, eroticism, nihilism, death and immortality, faith and disbelief, Pushkin traditions.

Все тургеневские герои проходят испытание любовью — своего рода проверку на жизнеспособность. В романе «Отцы и дети» ключевая роль тоже отводится отношениям Базарова с Одинцовой. Первая реакция, которую вызывает Анна Сергеевна, появившись на губернском бале, — всеобщее внимание к её одухотворённой красоте. Даже Ситников вдруг изменился и «как бы со смущением» проговорил: «Одинцова приехала»¹. Явление её особенно знаменательно в кругу людей, где всё поражает своей неестественностью: и аристократическая чопорность, и нигили-

стическая самоломанность. Тургенев опирается здесь на страницы из романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Вспомним впечатление Онегина от явившейся на великосветский бал Татьяны:

*Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех
Без притязаний на успех...².*

Приезд Анны Сергеевны меняет привычную систему ценностей, принятую расстанов-

ку социальных сил. Даже важный сановник Колязин робеет перед нею, обращаясь к Одинцовой с подобострастными речами. А она ведёт себя так, как и подобает царице красоты, королеве бала. Для неё все люди равны. «Она так же непринуждённо разговаривала с своим танцором, как и с сановником, тихо поводила головой и глазами и раза два тихо засмеялась» (С., VIII, 266). Как и у Пушкина: «Всё тихо, просто было в ней» (V, 171).

Базаров на первый взгляд верен себе: «Это что за фигура?.. На остальных баб не похожа» (С., VIII, 266). Но что-то настораживает

нас в базаровской фразе. Очевиден её вызывающий цинизм — явный признак нарушенного душевного равновесия. Когда Одинцова встречает героев в губернской гостинице, Аркадий «с тайным удивлением» замечает, что его учитель-нигилист «как будто сконфузился». С Базаровым действительно случилось нечто странное: «Вот тебе раз! Бабы испугался!» — подумал он и, развалившись в кресле не хуже Ситникова, заговорил преувеличенно развязно, а Одинцова не спускала с него своих ясных глаз» (С., VIII, 270. Курсив мой. — Ю.Л.).

1

После встречи с Одинцовой в губернском городе Базаров с Аркадием едут к ней усадьбу. «Поздравь меня, — воскликнул вдруг Базаров, — сегодня 22 июня, день моего ангела. Посмотрим, как-то он обо мне печётся...» (С., VIII, 273). Герой вспоминает об ангеле-хранителе в роковой момент своей жизни. Бросая ему иронический вызов, он начинает опасную игру с судьбой. Базаров, конечно, знает, что священномученик Евсевий³ погиб от раны, нанесённой ему женщиной из враждебного стана. Как сейчас Базаров с Аркадием, так когда-то св. Евсевий с учеником посетили «исполненный ариевого зловерия город Долихины», где женщина-арианка бросила в Евсевия черепицу с крыши и «уязвила зело». От этой раны разболелся и умер праведник. Умирая, он завещал друзьям никакого зла этой женщине не чинить и покинул мир со словами прощения на устах⁴.

Базаров, по-видимому, глубоко убеждён, что с ним ничего подобного не произойдёт. Но жизнь преподносит ему трагический урок. Рассчитывая быть полновластным творцом и хозяином своей судьбы, герой переоценивает свои силы. Ангел-хранитель не спасёт Базарова по причине его заносчивости и гордыни.

Базаров — нигилист и физиолог. Духовную утончённость и поэтическую красоту любовных отношений он считает романтической чепухой. В ответ на рассказ Аркадия о роковой любви Павла Петровича Базаров самоуверенно заявляет: «Нет, брат, всё это распушенность, пустота! И что за таинственные отношения между мужчиной и женщиной? Мы, физиологи, знаем, какие это отношения. Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяться, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это всё романтизм, чепуха, гниль, художество» (С., VIII, 226).

Столь ущербный взгляд на природу человека и на характер человеческих отношений приводит Базарова к опрометчивой оценке Одинцовой. В его глазах это изнеженная барыня, аристократка. А между тем красота Одинцовой женственно своенравна и неуступчива, она требует к себе почтения и поклонения. Наряду с чертами дворянскими в ней очень много общерусского, свойственного именно национальному типу женской красоты: степенность и размеренность, сдержанность в проявлении чувств и страстей.

И. Архипов. Базаров и деревенские мальчишки. 1955

Аналогичный тип русской женщины, «величавой славянки», Некрасов найдёт даже в крестьянской среде:

*Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц...⁵*

Базаров же судит о людях опрометчиво. Он считает, что все они «похожи друг на друга как телом, так и душой; у каждого из нас мозг, селезёнка, сердце, лёгкие одинаково устроены; и так называемые нравственные качества одни и те же у всех: небольшие видоизменения ничего не значат. Достаточно одного человеческого экземпляра, чтобы судить обо всех других. Люди что деревья в лесу; ни один ботаник не станет заниматься каждою отдельною берёзой». Различия меж-

ду ними, по мнению Базарова, порождены неправильным общественным устройством. «Исправьте общество, и болезней не будет» (С., VIII, 277).

Аналогичные взгляды на человека, нивелирующие его индивидуальность, высказывал Чернышевский в романе «Что делать?». «Новые люди» представляют там общество, в котором натура человека развилась естественно. Поэтому индивидуальные различия между героями несущественны и сводятся лишь к физиологии. Вера Павловна так объясняет причины своего разрыва с Лопуховым: «У него натура, быть может, более пылкая, чем у меня, ласки его жгучи. Но есть другая потребность, потребность тихой, долгой ласки, потребность сладко дремать в нежном чувстве»⁶.

Об этом же Чернышевский говорит в критической статье «Русский человек на rendez-vous»: «Каждый человек — как все люди, в

каждом точно то же, что и в других. <...> Разница — не в устройстве организма, а в обстоятельствах, при которых наблюдается организм... Если все люди существенно одинаковы, то откуда же возникает разница в их поступках? Для нас теперь ясно, что всё зависит от общественных привычек и от обстоятельств...» (V, 165).

Нет сомнения, что Тургенев хорошо знал эту статью, посвящённую разбору его повести «Ася», и почти без изменений вложил рассуждения Чернышевского в уста Базарова. Одинцову же он заставил иронически парировать их:

«— И вы полагаете, — промолвила Анна Сергеевна, — что, когда общество исправится, уже не будет ни глупых, ни злых людей? <...> Да, понимаю; у всех будет одна и та же селезёнка» (С., VIII, 278).

Любовные отношения Базаров сводит к той же физиологии. Он «был великий охотник до женщин и до женской красоты, но любовь в смысле идеальном, или, как он выражался, романтическом, называл белибердой, непростительную дурью, считал рыцарские чувства чем-то вроде уродства или болезни и не однажды выражал своё удивление: почему не посадили в жёлтый дом Тогенбурга со всеми миннезингерами и трубадурами?» (С., VIII, 286).

Трубадуры и миннезингеры — средневековые поэты, прославлявшие платоническую любовь рыцаря к Прекрасной Даме. В эпоху Базарова таким «трубадуром» духовной любви был В.А.Жуковский, переводчик на русский лад баллады Шиллера «Рыцарь Тогенбург». В этой балладе героиня способна любить рыцаря лишь духовной любовью, плотские страсти незнакомы и непонятны ей:

*Сладко мне твоей сестрою,
Милый рыцарь, быть;
Но любовьию иною
Не могу любить...⁷.*

У возлюбленной Базарова есть сходство с нею: то же самое спящее сердце с его «тишиною» и спокойствием, непонимание и боязнь страстных порывов. Но и Базаров вопреки своему «нигилизму» невольно пойдёт по стопам Тогенбурга: примет участие в «рыцарском турнире», изумит «аристократов» своим благородством, попытается уйти с головой в науку, потом в медицинскую практику, — но нигде не найдёт он покоя. Как и рыцарь Тогенбург, Базаров до смертного часа останется верен неразделённому чувству:

*Раз — туманно утро было —
Мёртв он там сидел,
Бледен ликом, и уныло
На окно глядел.*

Обратим внимание на это *окно* в комнате возлюбленной, которое как художественный символ появляется вслед за балладой Жуковского и в романе Тургенева.

По мере того как Базаров влюбляется в Одинцову, происходит перемена в его убеж-

дениях. «Может быть, вы правы; может быть, точно, всякий человек загадка» (С., VIII, 291), — срывается из уст героя неожиданное признание. Но, значит, люди — отнюдь не деревья в лесу, и ограничиться изучением их социальной «породы» нельзя. Базаров оступается и в другом: «Зачем вы, с вашим умом, с вашей красотой, живёте в деревне?» — «Как? Как вы это сказали? — с живостью подхватывает Одинцова. — С моей... красотой?» (С., VIII, 291). Самоуверенный Базаров признал власть красоты над своей душой и не разразился теперь «презрительным хохотом и циничской бравью», когда его в этом уличили.

Общение с Одинцовой приводит Базарова в полное замешательство. Почему эта «холодная аристократка» говорит ему такие душевные слова? Почему она поступает не так, как это наперёд известно ему? Почему, вопреки заведённым в её доме порядкам, Анна Сергеевна не только не прогоняет его в неурочный час, но предлагает остаться: «Отворите это окно... мне что-то душно», — говорит она ему. Возбуждённая героиня буквально призывает нигилиста Базарова *отворить окно* его собственной души. «Базаров встал и толкнул окно. Оно разом со стуком распахнулось... Он не ожидал, что оно так легко отворилось; притом руки его дрожали. Тёмная мягкая ночь глянула в комнату с своим почти чёрным небом, слабо шумевшими деревьями и свежим запахом вольного, чистого воздуха» (С., VIII, 291. — Курсив мой. — Ю.Л.).

Так вступает в свои права ночь Базарова и Одинцовой, таинственная и вольная стихия жизни, перед которой оба героя грешны и виновны непоправимо. Она роется перед глубиной человеческого чувств, он к ней тянется, но одновременно и осуждает себя за это, и с презрением отворачивается.

Совершается насилие над любовью, проснувшейся в сердцах этих людей. И природа за окном возмущается происходящим бесчинством: «...сквозь изредка колыхавшуюся стору вливалась раздражительная свежесть ночи, слышалось её таинственное шептание» (С., VIII, 292). Теперь в дыхании тургеневской ночи чувствуется затаённая угроза.

«Ты кокетничаешь, ты скучаешь и дразнишь меня от нечего делать, а мне...» (С., VIII, 293), — бросает Базаров тайный упрёк Одинцовой. («Сердце у него действительно так и рвалось»). «Погодите», — умоляюще шепчет Одинцова, когда Базаров решает уйти.

Любовь к Одинцовой — начало трагического возмездия Базарову за его примитивные взгляды на природу человека. Душа героя раздаивается: его разум вступает в разлад с его сердцем. Отныне в Базарове, как потом в Раскольникове у Достоевского, живут и действуют два человека. Один — убеждённый рационалист, противник романтических чувств, отрицатель духовной природы любви. Другой — страстно и одухотворённо любящий человек, столкнувшийся с подлинным таинством этого чувства:

«Нравится тебе женщина, — говаривал он, — старайся добиться толку; а нельзя — ну, не надо, отворачивайся — земля не клином

сошлась». Одинцова ему нравилась: распространённые слухи о ней, свобода и независимость её мыслей, её несомненное расположение к нему — всё, казалось, говорило в его пользу; но он скоро понял, что с ней «не добьёшься толку», а отвернуться от неё он, к изумлению своему, не имел сил. Кровь его загоралась, как только он вспоминал о ней; он легко сладил бы с своею кровью, но что-то другое в него вселилось, чего он никак не допускал, над чем всегда трунил, что возмущало всю его гордость. В разговорах с Анной Сергеевной он ещё больше прежнего высказывал своё равнодушное презрение ко всему романтическому; а оставшись наедине, он с негодованием сознавал романтика в самом себе» (С., VIII, 287).

Дорогие его разуму нигилистические убеждения превращаются в *принцип*, которому Базаров, отрицатель принципов и авторитетов, начинает теперь служить, тайно ощущая, что служба эта слепа, что жизнь оказалась сложнее того, что думают о ней физиологи. Наконец, герой не выдерживает, стихия долго подавляемого чувства вырывается на простор, но с разрушительной силой: «Так знайте же, что я люблю вас, глупо, безумно... Вот чего вы добились» (С., VIII, 299). Обратим внимание, что любовное признание Базарова напоминает укор и упрёк. «Непонятный испуг», который вызвало такое признание у Одинцовой, психологически достоверен и человечески оправдан: где та грань, которая отделяет его от ненависти по отношению к любимой женщине?

В момент признания Базаров упёрся лбом в стекло окна, того самого, из которого не далее как вчера вливался в комнату «свежий запах вольного, чистого воздуха». Теперь это окно закрыто: «он задыхался; всё тело его видимо трепетало. Но это было не трепетание юношеской робости, не сладкий ужас первого признания овладел им: это страсть в нём билась, сильная и тяжёлая — страсть, похожая на злобу и, может быть, сродни ей... Одинцовой стало и страшно и жалко его» (С., VIII, 299).

В порыве жалости и сострадания она протянула вперёд обе руки с надеждой успокоить Базарова. А как откликнулся нигилист на этот жест? «Он быстро обернулся, бросил на неё пожирающий взор — и, схватив её обе руки, внезапно привлек её себе на грудь», а потом, когда Одинцова отскочила в угол, он «рванул к ней». «Вы меня не поняли», — прошептала она с торопливым испугом» (С., VIII, 299).

Такова последняя и, может быть, роковая «оплошность» героя, окончательно убившая возможность ответной любви. Как умная и достаточно чуткая женщина, Одинцова могла предвидеть в Базарове многое, но такого признания и такого порыва она принять не желала и не могла. В тревоге бродя по комнате, «она задумывалась и краснела, вспоминая почти зверское лицо Базарова, когда он бросился к ней... <...> Под влиянием различных смутных чувств, сознания уходящей жизни, желания новизны она заставила себя дойти до известной черты, заставила себя заглянуть за неё — и увидела за

ней даже не бездну, а пустоту... или безобразию» (С., VIII, 300).

Так только ли Одинцова виновата в том, что Базаров, разбудив «спящую красавицу», одновременно грубо и неловко оттолкнул её? Можно ли без существенных оговорок рассуждать здесь о «торжестве демократизма над аристократией в области чувств»?⁸ И насколько верно уловил Тургенев живые приметы той культуры, которая была свойственна русской демократии в её взглядах на природу человека и на характер любовных отношений между мужчиной и женщиной? Может быть, он умышленно искажил всё в угоду антиингилистической тенденции своего романа?

Известно, что русские демократы проявляли по отношению к интимной сфере человеческих чувств довольно характерную противоречивость. С одной стороны, они культивировали рационалистическое ограничение чувственного начала, своеобразный аскетизм. «Бог с ними, с эротическими вопросами, — писал Чернышевский в статье о тургеневской "Асе", — не до них читателю нашего времени, занятому вопросами об административных и судебных улучшениях, об финансовых преобразованиях, об освобождении крестьян» (V, 166). Этот аскетизм, это самоограничение не могли не иметь драматических последствий, не могли не повлечь за собою некоторых человеческих утрат.

В письмах Добролюбова эти противоречия принимают почти базаровский размах: «И чёрт меня знает, зачем я начал шевелить в себе эту потребность женской ласки, это чувство нежности и любви!.. Ведь шевелилось же оно у меня и пять-шесть лет тому назад, да я умел заглушить его; отчего бы не заглушить и теперь? А то — понапрасну только мучу самого себя... Постараюсь всё скомкать, всё порвать в себе. <...> Чёрт их побери, все эти тонкие чувства, о которых так любят распространяться поэты!..»⁹. А в 1861 году, незадолго до смерти, Добролюбов написал стихи, полные обиды на безлюбиво прожитую им короткую жизнь:

*Друг выспренных идей, как медная машина,
Для блага общего назначенный служить,
Я смею чувствовать лишь сердцем
гражданина,
Инстинкты юные я должен был забыть.*

(VIII, 81)

С другой стороны, за порогом аскетического самоограничения была эмансипация плоти, поэтизация «юных инстинктов», сведение всего богатства чувств к эротике, связанное с антропологизмом, с ограниченным взглядом русской революционной демократии на природу человека. Вспомним рассуждения Лопухова о причинах охлаждения к нему Веры Павловны: «Я принадлежу к людям необщительным, она — к общительным. Вот и вся тайна нашей истории» (XI, 230).

Глубоко прав Н.Н.Скатов, заметивший, что «для новых людей любовь оказывалась в известной мере камнем преткновения, моральной и эстетической проблемой, встававшей совершенно по-новому. Тургенев указал

И.Архипов. Базаров и Кирсановы. 1955

на реально уязвимую сторону своего героя в романе "Отцы и дети". Но проблема вместе с тем каждый раз вставала и шире, чем только отношения мужчины и женщины, оказывалась вопросом о всём богатстве чувств, о всей полноте жизни и её непосредственности»¹⁰.

Любовная коллизия романа завершается тем, что Тургенев сводит аристократа Кирсанова и демократа Базарова в сердечном влечении к Фенечке и её народным инстинктом выверяет ограниченность того и другого героя.

Павла Петровича привлекает в Фенечке её простодушие: он задыхается в разреженном воздухе своей аристократической «высокогорности». Но любовь его к Фенечке слишком заоблачна и бесплотна: «Так тебя

холодом и обдаст!» — жалуется героиня Дуняша на его «страстные» взгляды.

Базаров, напротив, ищет в Фенечке жизненное подтверждение своему взгляду на любовь как на элементарное чувственное влечение: «У вас, когда вы читаете, кончик носика очень мило двигается». «Я люблю, когда вы говорите. Точно ручеек журчит». «Эх, Федосья Николаевна! поверьте мне: все умные дамы на свете не стоят вашего локотка» (С., VIII, 343, 344).

Но эта простота оказывается хуже воровства: она глубоко оскорбляет Фенечку, и нравственный укор слетает с её уст: «Грешно вам, Евгений Васильевич», — шепнула она, уходя. Неподдельный упрек слышался в её

шёпоте. Базаров вспомнил другую недавнюю сцену, и совестно ему стало, и презрительно досадно» (С., VIII, 346).

Неудачу с Одинцовой Базаров объяснял для себя барской изнеженностью богатой аристократки, но применительно к Фенечке о каком «барстве» может идти речь?! Очевидно, в самой женской природе — крестьянской или дворянской, какая разница! — заложена отвергаемая героем одухотворённость и нравственная чистота.

Крайности снова сошлись, страдают и Базаров и Павел Петрович, но причины их поражения противоположны: Павел Петрович удаляется в бесплотную духовность, а Евгений Базаров грешит плотской бездуховностью. Оба героя беспощадны к органической целостности жизни, и жизнь убегает от них. Два рыцаря печального образа, два Дон Кихота сталкиваются друг с другом в поединке из ревности к той, которая покидает их обоих.

2

Уроки любви привели к кризису одностороннему, вульгарно-материалистическим взгляды Базарова на жизнь. Перед героем открылись две бездны: одна — загадка его собственной души, которая оказалась глубже и бездоннее, чем он предполагал; другая — загадка мира, который его окружает. От «микроскопа» героя потянуло к «телескопу», от «инфузорий» — к звёздному небу над головой.

«Ненавидеть! — восклицает Базаров. — Да вот, например, ты сегодня сказал, проходя мимо избы нашего старосты Филиппа, — она такая славная, белая, — вот, сказал ты, Россия тогда достигнет совершенства, когда у последнего мужика будет такое же помещение, и всякий из нас должен этому способствовать... А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет... да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?» (С., VIII, 325).

Вопрос о смысле человеческого существования здесь поставлен с предельной остротой: речь идёт об ограниченности материалистического понимания прогресса, о непомерно высокой цене, которой он окупается. Ставится под сомнение атеистический, позитивистский идеал социализма, ограничивающийся стремлением к «хлебу земному», к материальному процветанию. Этот идеал не даёт ответа на глубокие запросы человеческого духа, не согласуется с высокими нравственными требованиями. «Ахиллесовой пятой» материалистической идеологии является отрицание бессмертия человеческой души. Она упорно утверждает жизненную философию, согласно которой человек не обладает вечной душой, а наделяется природой лишь временным существованием.

Рассуждение Базарова о лопухе над его могилой и о белой избе для Филиппа или Сидора стоят в одном ряду с горькими мыслями Белинского в письме к Боткину от 1 марта

1841 года: «Что мне в том, что я уверен, что разумность восторжествует, что в будущем будет хорошо, если судьба велела мне быть свидетелем торжества случайности, неразумия, животной силы? Что мне в том, что моим или твоим детям будет хорошо, если мне скверно и если не моя вина в том, что мне скверно?»¹¹.

На ущербную сторону такого понимания прогресса обращал внимание и близкий Тургеневу в эти годы А.И.Герцен. Расставшись в молодости с «религией небесной», с христианскими упованиями, Герцен берёт на себя смелость подвергнуть ещё более строгому суду и «религию земную», основанную на вере в исторический прогресс, ведущий к торжеству социальной справедливости. «Объясните мне, пожалуйста, — говорит доктор в книге «С того берега», — отчего верить в Бога смешно, а верить в человечество не смешно; верить в Царство Небесное — глупо, а верить в земные утопии — умно? Отбросивши положительную религию, мы остались при всех религиозных привычках и, утратив рай на небе, верим в пришествие рая земного и хвастаемся этим»¹².

«Если прогресс — цель, то для кого мы работаем? Кто этот Молох, который, по мере приближения к нему тружеников, вместо награды пятится и, в утешение изнурённому и обречённому на гибель толпам, которые ему кричат: «Обречённые смерти приветствуют тебя!», только и умеет ответить горькой насмешкой, что после их смерти будет прекрасно на земле. Неужели и вы обрекаете современных людей на жалкую участь кариатид, поддерживающих террасу, на которой когда-нибудь другие будут танцевать... или на то, чтоб быть несчастными работниками, которые по колено в грязи тащат барку с таинственным рунном и с смиренной надписью «Прогресс в будущем» на флаге? Утомлённые падают на дороге, другие с свежими силами принимаются за верёвки, а дороги, как вы сами сказали, остаётся столько же, как при начале, потому что прогресс бесконечен» (VI, 34).

Так Герцен доводит атеистический гуманизм до логического конца и обнаруживает там неразрешимые противоречия, приводящие в отчаяние. Мыслитель, провозгласивший человека мерою всех вещей, начинает понимать всю шаткость этой «меры». Герцен дошёл до пограничного рубежа атеизма и позитивизма, вплотную подошёл к религиозному мироощущению, но шага вперёд не сделал.

Такого же рода вопросы будут преследовать и героев Достоевского. Стоит ли будущая «мировая гармония» одной лишь слезинки ребёнка, упавшей в её основание? Кто оправдывает бесчисленные человеческие жертвы, которые совершаются во благо грядущих поколений? Имеют ли нравственное право будущие поколения цвести и благоденствовать, предав забвению то, какой жестокой и бесчеловечной ценой куплена для них эта гармония? Наконец, можно ли назвать «гармонией» материальное благоденствие людей, уже завтра обречённых на вечную смерть?

Базаровские сомнения и метания потенциально несут в себе проблемы, над решением которых будут биться герои Достоевского

от Раскольникова и Версилова до Ивана Камазова. И, конечно же, в рассуждениях о «белой избе» и «лопухе» над могилой Базаров не эгоист: не только о себе он тут хлопочет, а о неповторимой ценности человеческой личности, о смысле прогресса, о смысле истории, о мировом смысле, наконец. Жизнь не даёт пока Базарову ответа на эти вопросы, но тот факт, что они проснулись в нём, говорит о незаурядности его личности. Базарову ясно теперь, что материальные блага — белая изба для Филиппа или Сидора — не могут быть венцом прогресса. Если благоденствие и благоустройство заставят забыть о бесконечных порывах человеческого духа, о бессмертии человеческой души и приведут к царству мещанского благополучия, то и цель бессмысленна и жизнь, на неё положенная, — тоже.

Духовной природе Базарова угрожают, конечно, не эти тревожные вопросы. Напротив, они делают героя богаче, умнее, человечнее. Они свидетельствуют о духовной пронзительности Базарова. Слабость же его в другом — в стремлении уйти от этих вопросов, в презрительной оценке их как «романтизма», чепухи и гнили, в попытках согласиться на малое, втиснуть себя и окружающее в узкие границы биологических закономерностей.

«Чёрт знает, что за вздор! — говорит Базаров Аркадию. — Каждый человек на ниточке висит, бездна ежеминутно под ним разверзнуться может, а он ещё сам придумывает себе всякие неприятности, портит свою жизнь» (С., VIII, 306). Не восхищение стойкостью человеческого духа, но внутреннее смущение перед его неудержимой силой испытывает тут нигилист Базаров. К чему бы придумывать человеку поэтические тайны, зачем бы ему тянуться к утончённым переживаниям, если суть жизни прозаически ничтожна, физиологически проста, если человек — всего лишь атом во вселенной, слабое биологическое существо, подверженное неумолимым законам увядания и абсолютной смерти?

«А я думаю, — заявляет Базаров, — я вот лежу здесь под стогом... Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет... А в этом атоме, в этой математической точке кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже... Что за безобразие! Что за пустяки!» (С., VIII, 323).

Базаров-естествоиспытатель скептичен; но заметим, что скептицизм его лишён непоколебимой уверенности. Рассуждение о мировой бессмыслице при внешнем отрицании заключает в себе тайное признание смысла самых высоких человеческих надежд и ожиданий. Если эта несправедливость мирового устройства — краткость жизни человека перед вечностью времени и бесконечностью пространства — осознаётся Базаровым, тревожит его бунтующее сердце, значит, есть у человека потребность поиска более совершенного миропорядка. Будь мысли Базарова полностью слиты с природными стихиями, не имел он в

своей душе более высокой и одухотворённой точки отсчёта, — откуда бы взялась в нём эта обида на земное несовершенство, на недоконченность, недоволощённость человеческого существа? И хотя Базаров — физиолог, нигилист — и говорит о бессмыслице высоких одухотворённых помыслов, в подтексте его рассуждений чувствуется сомнение, опровергающее вульгарный материализм.

Раздумья Базарова о смысле бытия, о смерти и бессмертии, о вере и безверии были характерны и для самого автора романа. Тургенев оставался человеком сомневающимся, хотя и завидующим людям, обретшим веру. Не случайно в письме к Е.Е.Ламберт он говорил: «Жестокий этот год, в течение которого Вы испытали столько горя, послужил и для меня доказательством тщеты всего житейского: да, земное всё прах и тлен — и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны! Имеющий веру — имеет всё и ничего потерять не может; а кто её не имеет — тот ничего не имеет, — и это я чувствую тем глубже, что сам принадлежу к неимущим! Но я ещё не теряю надежды...» (П., IV, 306).

Тургенев не мог решить вопрос о существовании Бога и бессмертия однозначно и уверенно. К существованию стоящей над людьми могущественной и благодатной силы он относился с постоянной, никогда не замолкавшей внутренней тревогой. Эта тревога была истоком его поэтического мироощущения. Он был очарован таинственностью и загадочностью бытия, восхищён хрупкой и ускользающей на земле красотой, которая, казалось, могла бы «спасти мир». Вслед за Тургеневым такой же взгляд на коренной вопрос жизни человека исповедовал А.П.Чехов, заметивший в 1897 году: «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец»¹³.

Когда А.И.Герцен, восхищаясь финалом романа «Отцы и дети», писал Тургеневу: «Реквием на конце — с дальним апрошем к бессмертию души — хорош, но опасен, ты эдак не дай стрелка в мистицизм» (XXVII, кн. 1, 217), Тургенев отвечал, что в мистицизм он не ударится, но в отношении к Богу придерживается мнения Фауста, которое писатель приводит в подлиннике, а мы дадим в русском переводе Б.Л.Пастернака:

*Кто, на поверку,
Разум чей
Сказать осмелится: «Я верю»?
Чьё существо
Высокомерно скажет: «Я не верю»?
В Него
Создателя всего,
Опоры
Всего: меня, тебя, простора
И самого Себя?»¹⁴.*

3

Не умея ответить на роковые вопросы о драматизме любви и познания, о смысле жизни и таинстве смерти, Базаров, в отличие от

А.Я.Ляшко. Илл. к роману И.С.Тургенева «Отцы и дети». Базаров и Одинцова. 1986

его творца, И.С.Тургенева, пытается заглушить в своём сердце ощущение трагической серьёзности этих вопросов. Но, как незаурядный человек, герой не может сам с собою справиться: данные естествознания его от этих тревог не убергают. Он ещё склонен упрекать себя в отсутствии равнодушия к презренным аристократам, к несчастной любви, поймавшей его на жизненной дороге; в минуты отчаяния, когда к нему пробирается «романтизм», он негодует, топает ногами и грозит сам себе кулаком. Но в преувеличенной дерзости этих

упрёков скрывается другое: и любовь, и поэзия, и сердечное воображение непрошено поселились и живут в его собственной душе!

Попытка Базарова уйти с головой в любимые занятия естественными науками оказывается после любовной катастрофы безуспешной: «...лихорадка работы с него соскочила и заменилась тоскливою скукой и глухим беспокойством. Странная усталость замечалась во всех его движениях, даже походка его, твёрдая и стремительно смелая, изменилась» (С., VIII, 383).

Тургенев подмечает в Базарове, глубоко уязвлённом несчастной любовью, симптомы необратимых перемен. Именно в таком психически расслабленном состоянии он и совершает непростительную для медика оплошность. Неотвратимый удар судьбы чувствуется в роковом исходе жизни Базарова. Последние страницы романа, где тургеневский реализм, сохраняя достоверность и психологическую правду, «возвышался до символа», искренне восхищали А.П.Чехова.

Впрочем, у современников Тургенева существовала и другая точка зрения на причины трагедии Базарова. Её высказал и попытался обосновать Д.И.Писарев в статье «Базаров». По мнению критика, смерть героя от пореза пальца никак не связана с общим ходом романа и с существом переживаемой Базаровым духовной драмы. «В конце романа Базаров умирает; его смерть — случайность; он умирает от хирургического отравления, сделанного во время рассечения трупа. Это событие не находится в связи с общей нитью романа; оно не вытекает из предыдущих событий, но оно необходимо для художника, чтобы дорисовать характер своего героя»¹⁵.

Писарев смотрит на Базарова, как ученик на учителя: для него непрерываем и свят именно базаровский нигилизм. А потому и трагедию Базарова он видит в том, что его передовому нигилизму не нашлось места в отсталой России. Что же оставалось сделать автору с таким рано родившимся героем? «Не имея возможности показать нам, как живёт и действует Базаров, Тургенев показал нам, как он умирает. Этого на первый раз довольно, чтобы составить себе понятие о силах Базарова, о тех силах, которых полное развитие могло обозначиться только жизнью, борьбою, действиями и результатами» (II, 45). Источник мужества Базарова перед лицом смерти Писарев усматривает в прочности и непоколебимости его нигилистических убеждений. По его мнению, Базаров остаётся верен себе до последней минуты. И эта верность превращает смерть его в «великий подвиг», истраченный, правда, не на «блестящее и полезное дело», а «на простой физиологический процесс» (II, 46).

Долгие годы именно писаревская точка зрения рассматривалась как самая авторитетная и непрерываемая: считалось, что только он почувствовал по-настоящему героическое начало в характере умирающего Базарова. Однако совершенно иначе воспринимал финал романа другой современник Тургенева Н.Н.Страхов. «Когда Базаров заболевает, когда он заживо гниёт и непреклонно выдерживает жестокую борьбу с болезнью, жизнь, его окружающая, становится тем напряжённее и ярче, чем мрачнее сам Базаров. Одинцова приезжает проститься с Базаровым; вероятно, ничего великодушнее она не сделала и не сделает во всю жизнь. Что же касается до отца и матери, то трудно найти что-нибудь более трогательное. Их любовь вспыхивает какими-то молниями, мгновенно потрясающими читателя; из их простых сердец как будто вырываются бесконечно жалобные гимны, ка-

кие-то беспредельно глубокие и нежные вопли, неотразимо хватающие за душу.

Среди этого света и этой теплоты умирает Базаров. На минуту в душе его отца закипает буря, страшнее которой ничего быть не может. Но она быстро затихает, и снова всё становится светло. Самая могила Базарова озарена светом и миром, над нею поют птицы, и на неё льются слёзы...

Итак, вот оно, вот то таинственное нравовое учение, которое вложил Тургенев в своё произведение. Базаров отворачивается от природы; не корит его за это Тургенев, а только рисует природу во всей красоте. Базаров не дорожит дружбою и отрекается от романтической любви; не порочит его за это автор, а только изображает дружбу Аркадия к самому Базарову и его счастливую любовь к Кате. Базаров отрицает тесные связи между родителями и детьми; не упрекает его за это автор, а только развёртывает перед нами картину родительской любви. Базаров чуждается жизни; не выставляет его автор за это злодеем, а только показывает нам жизнь во всей её красоте»¹⁶.

Пафос романа и движение авторской мысли в нём Н.Н.Страхов уловил пронизательно. Однако критик не обратил внимания на то, что борьба «мрачных» и «светлых» начал идет ещё и внутри самого Базарова. А потому фигура центрального героя у него помрачнела и потускнела, получилась однолинейной и обеднённой. У Писарева Базаров — нигилист со знаком «плюс», а у Страхова — нигилист со знаком «минус». Страхов слишком резко и круто развёл героя с окружающей жизнью.

Сцена смерти Базарова показывает, что к жизнеутверждающему фону, окружающему его смертное ложе, герой далеко не равнодушен. В его уходе из жизни есть беспримерный трагический накал и какая-то жгучая пламенность. «Не хочу бредить, — шептал он, сжимая кулаки, — что за вздор!» (С., VIII, 391). И являются ему в бреду огненные, красные собаки, а в довершение всего — возникает образ леса, восходящий к «Божественной комедии» Данте и символизирующий неразгаданные Базаровым тайны русской жизни:

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.
Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несут!*¹⁷.

Впервые этот образ появляется в романе в момент душевного смятения героя, вызванного одухотворённой любовью к Одинцовой. «Тогда он отправлялся в лес и ходил по нём большими шагами, ломая попадавшие ветки и браня вполголоса и её и себя...» (С., VIII, 287).

Потом в ночь перед дуэлью Базарову снится сон, в котором «Павел Петрович представлялся ему большим лесом, с которым он всё-таки должен был драться» (С., VIII, 350. — Курсив мой. — Ю.Л.).

Другой сон, а точнее бред, приходит на пороге смерти: здесь образ «леса» связан

уже с духовными устоями русской жизни, с которыми не вполне сдружился наш герой: «Меня вы забудете, — начал он опять, — мёртвый живому не товарищ. Отец вам будет говорить, что вот, мол, какого человека Россия теряет... Я нужен России... Нет, видно не нужен. Да и кто нужен? Сапожник нужен, портной нужен, мясник... мясо продаёт... мясник... стойте, я путаюсь... Тут есть лес...» (С., VIII, 396. — Курсив мой. — Ю.Л.).

Образ леса символизирует в «Отцах и детях» ещё не освоенные Базаровым духовные устои национальной жизни, пренебрежение которыми не может пройти для человека безнаказанно.

4

Бессильным перед смертью оказывается то божество, на которое Базаров чуть ли не молился. Медицина и естественные науки отступили. Не помогли Базарову и «немцы, наши учителя»: есть художественно продуманный ход в том, что смертный приговор Базарову выносит врач из немцев, *вертестер герр коллега*. И не убеждения нигилиста спасают Базарова в час последнего испытания, а те силы его души, которые он в себе третирует, которые пытался вытравить как чепуху, гниль и художество, как унижительный романтизм.

Умиравший Базаров дал им ход, и вот душа героя, как освободившаяся от плотины река, вырвалась на простор, забурлила, запенилась. Герой дал волю своей любви к жизни, и прежде всего к родителям, готовя их к ужасному концу. Он объявляет о случившейся беде не сразу, пытается смягчить удар, ссылаясь на причины незначительные: «Простудился, должно быть». И лишь когда хитрить уже бессмысленно, Базаров с суровой нежностью, срывающимся голосом говорит любимому отцу: «Старина... дело моё дрянное. Я заражён, и через несколько дней ты меня хоронить будешь» (С., VIII, 389). Базаров опровергает уже напрасные надежды Василия Ивановича на силу медицины, подсказывая родителям единственное для стариков утешение: «Вы оба с матерью должны теперь воспользоваться тем, что в вас религия сильна» (С., VIII, 389).

Когда же силы начинают изменять Базарову, он призывает Одинцову, чтобы перед смертью дать волю невысказанным чувствам, чтобы отдать себя во власть одухотворённой любви: «Ну, прощайте! Живите долго, это лучше всего, и пользуйтесь, пока время» (С., VIII, 395—396), — прощается герой с возлюбленной почти по-пушкински.

*Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.*
(III, 133.)

«Прощайте, — проговорил он с внезапной силой, и глаза его блеснули последним блеском. — Прощайте... Послушайте... ведь я вас не поцеловал тогда... Дуньте на умирающую

лампаду, и пусть она погаснет...» (С., VIII, 396). Ведь и за этими словами Базарова тоже стоит тень Пушкина:

*Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!..* (V, 132)¹⁸.

«Добрая... великодушная... славная... красивая», — слова, далёкие от лексикона нигилиста. Умиравший Базаров говорит языком поэта о любви и прощении. И только здесь наглядно проявляется базаровский масштаб, базаровский максимализм уже не в отрицании, а в утверждении тех позитивных ценностей жизни, которые всегда таились за его отрицаниями и которые герой трагически подавлял.

После прощального поцелуя Одиной Базаров погружается в глубокое беспамятство. «И довольно!.. — промолвил он и опустил на подушку. — Теперь... темнота...»

Но «когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом *что-то похуже на содрогание ужаса* мгновенно отразилось на помертвелом лице» (С., VIII, 396—397. Курсив мой. — Ю.Л.).

Что это? Запоздалое раскаяние? Или бунт? О каком ужасе идёт речь у Тургенева?

Нет никакого сомнения, что и это мгновение в судьбе умирающего Базарова овеяно духом пушкинской поэзии. Тургенев знал о знаменитом диалоге, который состоялся у Пушкина с митрополитом Филаретом. В минуту уныния Пушкин написал горькие стихи о бессмысленности жизни:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..* (III, 62.)

Митрополит Филарет, встревоженный мотивами безверия, появившимися в поэзии Пушкина, дар которого он высоко ценил, написал поэту возражение в стихах:

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из тёмных недр воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.
Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум,
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светлый ум!*¹⁹.

«Стихи христианина, русского епископа в ответ на скептические куплеты! — это, право, большая удача!» — воскликнул Пушкин и, продолжая диалог, написал ответ митропо-

литу Филарету («В часы забав или праздной скуки...»), завершавшийся строками о священном ужасе:

*И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнём душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.* (III, 165.)

С уходом из жизни Базарова поэтическое напряжение романа спадает, «полуденный зной» сменяет «белая зима» «с жестокой тишиной безоблачных морозов». Отблеск трагической смерти Базарова лежит на последних страницах. Со смертью его сиротела жизнь: и счастье не в счастье, и радость не в радость. Сиротел и Павел Петрович, ему не с кем спорить и нечем жить: «Стоит взглянуть на него в русской церкви, когда, прислонясь в сторонке к стене, он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится и начнёт почти незаметно креститься...» (С., VIII, 400). Невосполнимы потери, незаменимы утраты. Не Ситникову же быть «героем», хоть и толчётся он в Петербурге и, по его уверению, продолжает дело Базарова. Так нарастает и ширится в эпилоге скорбная тема сиротства, в бледных, стыдливых улыбках жизни чувствуются ещё не выплаканные слёзы. Усиливаясь, напряжение достигает кульминации и разрешается строками финального рекевиема удивительной красоты и духовной мощи: «Есть небольшое сельское кладбище в одном из отдалённых уголков России. Как почти все наши кладбища, оно являет вид печальный: окружающие его канавы давно заросли; серые деревянные кресты поникли и гниют под своими когда-то крашенными крышами; каменные плиты все сдвинуты, словно кто их подталкивает снизу; два-три оципанных деревца едва дают скудную тень; овцы безвозбранно бродят по могилам... Но между ними есть одна, до которой не касается человек, которую не топчет животное: одни птицы садятся на неё и поют на заре. Железная ограда её окружает; две молодые ёлки посажены по обоим её концам: Евгений Базаров похоронен в этой могиле. К ней, из недалёкой деревушки, часто приходят два уже дряхлые старичка — муж с женою. Поддерживая друг друга, идут они отяжелевшею походкой; приблизятся к ограде, припадут и станут на колени, и долго и горько плачут, и долго и внимательно смотрят на немой камень, под которым лежит их сын; поменяются коротким словом, пыль смахнут с камня да ветку ёлки поправят, и снова молятся, и не могут покинуть это место, откуда им как будто ближе до их сына, до воспоминаний о нём... Неужели их молитвы, их слёзы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всецельна? О нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном великом спокойствии

«равнодушной» природы говорят нам они; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» (С., VIII, 401—402).

Так бессмертные любовь и поэзия, подерживавшие Базарова во время трагической гибели (поэзия Пушкина — тоже: слова «равнодушная природа» взяты Тургеневым из пушкинского стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»), обещают ему теперь жизнь бесконечную. В строках финального рекевиема продолжается полемика с отрицаниями любви и поэзии, с вульгарно-материалистическими взглядами на сущность жизни и смерти, с теми крайностями базаровских воззрений, которые он искупил своей трагической судьбой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ТУРГЕНЕВ И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. — Сочинения. — М.; Л., 1964. — Т. VIII. — С. 265. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием серии (Сочинения — С., Письма — П.), тома и страницы.
- 2 ПУШКИН А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. — М., 1964. — Т. V. — С. 171. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
- 3 Тургенев дал в покровители Базарову св. Евсевия, поскольку их имена переключаются по смыслу: Евгений — благородный, Евсевий — благочестивый.
- 4 См.: Жития святых, чтимых православной церковью. Май — июнь. Издание Сретенского монастыря. — 2000. — С. 223—226.
- 5 НЕКРАСОВ Н.А. Полн. собр. соч.: В 15 т. — Л., 1982. — Т. 4. — С. 80.
- 6 ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. — М., 1948. — Т. 11. — С. 171. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
- 7 ЖУКОВСКИЙ В.А. Собр. соч.: В 4 т. — М.; Л., 1959. — Т. 2. — С. 137.
- 8 ЖДАНОВ М.М. Роман И.С.Тургенева «Отцы и дети» в школьном изучении. — Л., 1972. — С. 109.
- 9 ДОБРОЛЮБОВ Н.А. Собр. соч.: В 9 т. — М.; Л., 1964. — Т. IX. — С. 345. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
- 10 СКАТОВ Н.Н. Поэты некрасовской школы. — Л., 1968. — С. 201.
- 11 БЕЛИНСКИЙ В.Г. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1982. — Т. 9. — С. 444.
- 12 ГЕРЦЕН А.И. Собр. соч.: В 30 т. — М., 1955. — Т. VI. — С. 104. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
- 13 ЧЕХОВ А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1980. — Т. 17. — С. 224.
- 14 ГЁТЕ И.В. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1976. — Т. 2. — С. 132.
- 15 ПИСАРЕВ Д.И. Соч.: В 4 т. — М., 1955. — Т. 2. — С. 44. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
- 16 СТРАХОВ Н.Н. Литературная критика. — М., 1984. — С. 207—208.
- 17 ДАНТЕ Алигьери. Божественная комедия. — М., 1982. — С. 17.
- 18 См.: ФОКИНА А.В. Пушкинская традиция в творчестве И.С.Тургенева. — Курск, 2016. — С. 149.
- 19 ФИЛАРЕТ, митрополит Московский и Коломенский. Творения. — М.: Отчий дом, 1994. — С. 22.